

Эх, посмеяться бы над собой, да в голос и среди толпы. Покорчиться от колик и побиться в веселой истерике. Оторжаться, повиснув на груди ошалевшего наблюдателя. А затем поправить галстук и вновь натянуть на лицо невозмутимо умную мину. Сколько случайных зрителей сочтут меня идиотом? А сколько обидятся в глубине души за этот невинный обман? Не решусь.

Между десятью и двадцатью годами мне казалось, что я достаточно чётко могу видеть грань здравого смысла. Это прошло. Прошло после того, как мне случилось прожить кусочек жизни среди людей, обитающих вне реальности. Кто-то из них блуждал в сказке, а кто-то в кошмаре. Их мозг вытворял такие пируэты, так элегантно призраивал бред к череде реальных событий, что временами и меня затягивало. Хорошо, что общение с ними было кратким.

И тогда, и потом я ловил себя на мысли, что единственная несокрушимая броня для здравого рассудка – это способность включать внутри себя смех. В этой книге даже это не прикрывает главных героев: они обнажены, открыты. Будьте осторожны – их беззащитность опасна.

А посмеёмся над собой в конце книги.

То даже не предисловие.

ПРЕДИСЛОВИЕ. ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Там, где в бдениях мало толку,
И рассудка свет погашен,
Я продам во сны путёвку
Тем, кому покой не важен.
Там не надо резать чувства,
Их не надо путать с правдой,
Сны – твоей души искусство,
Но смирись с утра с утратой.
Ночью тёмной сны, как искры,
Завихрю и дам им волю.
Если наши чувства чисты,
Будь хотя б во снах со мною.
Через веру – к сумасбродству,
Сквозь безумие – за счастьем.
Не приемлет сердце прозу,
А в стихах туман от страсти.
Если чувства мозг выносят
Там, где сам себе не веришь,
Сможешь сердцу дать, что просит?
Иль рассудку жизнь доверишь?

Какая звучная и необязательная фраза: «Ради нашей любви я готов на всё». А если неопределённое «всё» не требуется, но надо дать согласие на безумие? Безумие не киношное – с розой в зубах и принцем над пропастью, а самое обычное – с лекарствами и отрешённостью. Есть люди готовые на это пойти? Я не пытаюсь поставить Вас в неловкое положение, я просто хочу рассказать о тех, кому пришлось выбирать. Надеюсь, что у Вас хватит мужества оставить свои домашние дела и чуть-чуть приподняться над Землёй, чтобы увидеть завязку этого сюжета? Только прошу – не делайте этого необдуманно и когда попало, не испортьте себе удовольствие от первого впечатления. Решились? Уверены, что у

Вас хватит сил на обратный шаг в понятную и разумную жизнь? Вас точно не хватятся и не побеспокоят? Что же, в таком случае не теряйте ни секунды. Как только Солнце перекатит через зенит, уйдёт в вечернюю зарю и начнет греть западную кромку – стартуйте.

Сильно высоко взлетать не стоит. Лучше всего подняться ровно настолько, чтобы увидеть округлость Земного шарика, но не потерять рельеф и объем планеты. Впрочем, едва ли Ваше желание будет определяющим в выборе высоты. Где бы Вы ни остановились, Солнце снова проявится и будет самодовольно светить. Оно заберёт на себя всё внимание, не давая разглядеть то, зачем мы сюда поднялись. Вот из-за этого-то назойливо лезущего в глаза света нам и придётся спрятаться в тени Луны. Итак, мы на месте.

Земля будет продолжать своё медленное вращение, океаны будут цепляться за косые лучи света, отражая их от отмелей и белых песков, суша будет играть тенями и формами. Проследите за линией заката – Вы увидите, как золотистые проплешины населённых пунктов в темноте начинают множиться и разрастаться. Землю опутает золотая паутина, созданная городами-гигантами и их спутниками. Вам будет на что посмотреть.

Признаюсь, не за этим банальным зрелищем я сюда поднимаюсь. Не для этой картины я каждый раз ловлю моменты правильной расстановки времени года, погоды, Солнца и Луны. Я люблю смотреть на другое. Я люблю смотреть, как над темной, идущей за закатом, рождаются сны. Самые разные. Они идут второй волной по царству темнеющей планеты, отставая от огней городов. Их не видно при свете, их видно только отсюда и только ночью.

Сны раскатываются по планете как рулон искристой, прозрачной и воздушной ткани. Разноцветный пух Земли. Сначала вспыхивают отдельные светящиеся и радужные точки, затем их становится больше, больше. Сны ведут себя по-разному: одни из них отрываются и уносятся в высоту, подобно искрам костра; другие остаются в месте своего рождения; а некоторые мечутся

в поисках, кого-то ищут, иногда находят, иногда угасают. Сны – светлячки. Души, отпущенные на прогулку в виде снов.

Однажды ночью я стал свидетелем увлекательной игры двух душ: хрустального розового тумана и голубого пламени. Игра велась не совсем по правилам, и, уж точно, не по законам сна. Я был поражен, игра захватила всё мое внимание и заставила меня уйти в день, чтобы досмотреть её.

Если Вы всё-таки не решились на полёт, давайте я велю автору рассказать Вам обо всём чуть более подробно. Он сделает это правдиво. Он запишет для Вас всё, что услышит от людей, сыгравших свои партии на той сцене. Может быть, в его рассказе возникнет некоторая путаница с реальностью и снами, с прошлым и с настоящим – что ж, это свойственно рассказам. Я попрошу его оставить как есть непонятные чувства и неизбежный пафос – пускай будут. Но если случится, что вы не поверите в достоверность истории, я буду огорчён. Получится, что я напрасно отматывал назад ленту времени, напрасно погружался в бранный мир, делил тело, терял память и мудрость. Значит, зря я переживал все чувства, о которых хочу с Вами поделиться на страницах этой книги. Хотя, если Вам не останется веры я проживу эту короткую жизнь для себя. А если Вы опуститесь до сарказма, я наделаю из страниц этой книги снов: красивых и ужасных, добрых и не очень, а может быть, даже ночных кошмаров. Так или иначе я постараюсь донести до Вас то, что пережил сам. Не стоит недооценивать моих возможностей. Ведь Вы же ещё не знаете, с кем Вам довелось познакомиться. К тому же, Вы до сих пор так наивны, что считаете себя людьми здравомыслящими, Вы позволяете себе думать, что способны отделять реальность от фантазий. Что же, обсудим это после прочтения книги.

И, пожалуйста, не... Впрочем, читайте. Вы сами всё поймете.

Я ПРИНИМАЮ РОЛЬ

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ.

Сцена, маскарадный бал,
Конфетти и мишки.
«Коля, ну давай, сыграй,
Палача из книжки».

Под улыбками друзей
Примеряю маску,
И под ней тая свой смех,
Начинаю сказку.

«На колени, грязный шут,
Мерзкое явление», –
Я кричу. И он упал,
Выполнив веление.

Распласталась предо мной
Шея неприкрытая,
Рву наверх я свой топор.
«Поп, кончай с молитвою.

Почему здесь смрад и мрак?»
Давят декорации.
Снизу было всё не так,
Помогите, братцы, мне.

Чую, маска палача
С кожей срастается,
А весёлая душа
В камень превращается.

Древко жжёт, и мой топор
Просит свежей крови.
Да, желание – оно
Пострашней неволи.

Только плаха, я и шут.
В пекло представление.
Где же крики? Эй, толпа,
Где же одобрение?

– Сейчас подойдешь к санитаркам, спросишь Оксану, она тебе выдаст два халата. Халаты должны быть всегда чистыми. Чтобы ни грязи, ни, упаси Господи, пятен крови, понял? – завхоз скучно, с некоторым презрением, посмотрел на меня поверх вытертых до жёлтого металла очков.

Я равнодушно пожал плечами, и он подвинул ко мне посевшую от возраста амбарную книгу. Я поставил две закорючки. Ручка была липкая, и захотелось помыть руки.

– Если испачкают, отдашь в стирку санитарке. Если порвут, зашиваешь сам. Или больным отдашь, со второго этажа. Они от безделья только рады будут. Только с ними аккуратнее, если не хочешь, чтобы на тебе какая-нибудь молодая приворот испытала, – завхоз снова посмотрел на меня, и я уловил в его взгляде истертую и редко используемую способность к шуткам, – Ты же не знаешь, что в её голове и по диагнозу? Да ещё под таблетками, – он показал мне прокуренные зубы, и я продемонстрировал ему свои.

Потом я расписался ещё за что-то и отправился на первый этаж разыскивать санитарку Оксану. Половицы старого хрущевского здания прятались под дырявым линолеумом и тоскливо поскрипывали, натерпевшись видимо за свою жизнь предостаточно. В коридоре было с десятков больных. Кто-то сидел на корточках, прислонившись к кисло-желтой стене; кто-то с видом зомби маршировал, стоя на месте; кто-то с тем же видом тащил свои ноги вдоль коридора палатного отделения. Вид почти у всех был жутковатый. Казенные пижамы в полоску и цветочек были застиранными и напоминали робу заключённых. Пациенты проводили меня взглядом до дверей сестринской. Смысл во взгляде присутствовал не у каждого, но реакция на движущиеся объекты была почти у всех. В голове шевельнулась ассоциация с фильмом ужасов.

Перешагнув через лениво скользящую по полу швабру в руках одной из пациенток, я осторожно прошёл кусок мокрого пола и оказался в проёме дверей сестринской.

– Здравствуйте, – обратился я к трем женщинам в белых халатах. Женщины, продолжая разговаривать, пробежались по мне взглядом и отвернулись. Моё приветствие осталось без ответа.

– Здравствуйте, – повторил я. – Я новый санитар. Мне сказали к Оксане подойти – халаты получить, – я вложил всю свою доброжелательность в молчаливую тишину крохотного кабинета.

Кроме женщин в белом, в крохотном кабинете ещё «присутствовали» диван, кресло, рабочий стол и окно за толстой решеткой. Женщины нехотя оторвались от обсуждаемой темы и посмотрели на меня с тем же выражением, что и завхоз, то есть с откровенной скукой и легким презрением. Этот неприятный и очень поверхностный интерес иссяк достаточно быстро. Они продолжили свой разговор так, словно меня здесь и не было да и слов никаких не произносилось.

Несколько больных увязались за мной ещё в коридоре. Они демонстрировали любопытство к происходящему и заглядывали в кабинет через моё плечо. После моего приветствия эти делегаты громким шепотом отправили к остальным новость: «Новый санитар устраивается». Не успел ещё звук растаять в воздухе, как моя персона начала набирать рейтинг. Количество зрителей за моей спиной увеличилось, а свежего воздуха убавилось. Это вызвало некоторое оживление среди медицинского персонала.

– Ну, чего мы здесь толпимся? – командным голосом поинтересовалась одна из моих будущих коллег. Она авторитетно встала из-за стола и вылила остатки чая в железную раковину. Затем развернулась к двери и попробовала разогнать сборище взглядом. Говорящая была достаточно молода, очень аккуратно одета, стройна и красива. Приятной я бы назвать её не решился из-за слишком холодных глаз и тонких надменных губ. В целом, женщина была очень сильно похожа на врачиху из «Гнезда кукушки». Да и вообще, очень скоро я понял, что совпадений с образами этого фильма было немало. Видимо, создатель шедевра был «в теме».

– Быстро, начиная с задних рядов, разошлись по палатам, – холодно и жестко отдала команду медсестра. – Сережа, ты понял?

Она в упор посмотрела на застывшего у дверей худенького мальчика лет 14-ти, одетого в безразмерную пижаму. Сережа несколько секунд бессмысленно глядел на её грудь, а потом, не выразив эмоций и возражений, повернулся сразу всем телом и зашмыгал тапками по линолеуму, наработывая в нем новые дыры. Пространство за мной очистилось. Тут же из-за спины говорящей выскользнула невысокая плотная дама в белом халате, которая до начала разгона зрителей молча сидела на диванчике. Она была примерно того же возраста, что и первая – лет тридцати пяти, но куда более приветливая на лицо. Её фигура с осанкой, способной дать фору отставному офицеру, была необычайно стремительна и подвижна.

– Иди за мной, – скомандовала она мне, выходя из кабинета. Голос был мягкий, но с отчётливым и быстрым проговариванием звуков. – Меня Оксана зовут. Тебя в чью смену поставили?

Ни ответить, ни представиться я не успел. Она ходила быстрее, чем я реагировал на вопросы, и я считал более важным поспевать за ней. Оксана решительным шагом неслась по узкому коридору, я шёл позади в нескольких шагах. При нашем приближении больные шарахались к стенке, уступая дорогу. Тех, кто находился в состоянии «растения», более разумные дергали вслед за собой. Я слышал, как за спинами по коридору шуршал шепоток: «Новый санитар устраивается».

В тот момент я ещё не осознавал, какая власть и какой страх сочетались в произнесённых словах. Я ещё не видел себя глазами этих людей, не мог понять, что в их любопытстве была веская причина. Только значительно позже до меня дошло, что от того, кто я и что из себя представляю, зависело очень многое в длительном и вынужденном заключении этих несчастных.

Маленькая подсобка в конце коридора, куда мы и пришли, провоняла хлоркой и мочой. Оксана отомкнула увесистый амбарный замок и по-хозяйски взялась перекладывать вещи на стеллажах, легко переходя вверх и вниз по двум зашмыганным табуретам. В процессе своих перемещений она бегло оценила мою

тощую и долговязую фигуру и выбрала на верхней полке пару белых халатов.

– Второй – на смену, – пояснила она скороговоркой, всовывая мне обмундирование. – Как испачкается, отдашь мне. Так ты в чью смену?

– Ещё не знаю.

– Значит, в нашу будешь, – заключила она, приглядываясь ко мне, – Сейчас тебя Анжела к нам припишет. Петровича подвинет кому-нибудь, а тебя к нам.

– Почему? – просто из вежливости поинтересовался я, не имея особого интереса к тому, вместо кого и в какой смене мне предстоит работать.

– У тебя на лбу высшее образование написано, а её от этих алкашей уже тошнит, – легко расшифровала Оксана помыслы загадочной Анжелы.

Потом она повернулась ко мне всем телом и впилась в меня недоверчивым и изучающим взглядом, – Что ты вообще здесь делаешь? Одет вроде хорошо. На придурка не похож, – в её голосе и взгляде прорезалось столько неподдельного изумления, что я не нашелся, что ответить, и просто пожал плечами. – Ладно, потом познакомимся, – женщина спустилась на землю и подтолкнула меня к выходу. – Вон, в коробке, твой главный инструмент лежит, – она указала мне на ящик, забитый длинными стеганными лентами, напоминающими пояс дзюдоиста.

Оксана не ошиблась, я действительно оказался приписан к их смене. Медсестрой по имени Анжела была именно та жёсткая дама, которая продемонстрировала мне одну из методик разгона сборищ в этом заведении. Для меня она оказалась не Анжелой, а Анжелой Андреевной. И общалась со мной примерно тем же тоном, что и с больными. Потихоньку стало доходить, что уже сам факт моего трудоустройства сюда лишил меня возможности считаться здоровым.

Я опять расписался в нескольких журналах, принимая на себя ответственность за свои неправильные действия и действия

больных в мой адрес. Закончив с бумажными делами, мы перешли к инструктажу. Наставления Анжела Андреевна выдавала мне в фоновом режиме, параллельно создавая какой-то больничный контент.

– На работе не пить. Один раз попробуешь – через месяц будешь безработным алкашом. Сразу себя правильно поставь, – эти слова были сказаны с некоторым сомнением, после беглого осмотра моей худощавой фигуры, – если больные поймут тебя на слабинке, всё – порядка не будет. Для всей смены будет не работа, а наказание. По правилам больных бить нельзя! – Анжела Андреевна выделила эту фразу голосом, внеся в неё формальную отстраненность. Для этого она даже оторвалась от бумаг и сделала короткую смысловую паузу, означающую: «бить надо, без этого никак». Однако вслух запретных мыслей не произнесла. – Если в суд подадут и синяки найдут, то и посадить могут. Понял?

– Извините, пожалуйста, а я что, один в смене санитар? – робко поинтересовался я.

– По правилам – двое. Только таких, как ты, не очень много. А нормальных и того меньше. На первых порах, конечно, никто тебя одного не оставит. Потом видно будет, – она вернулась к своим бумагам, продолжая выдавать информацию. – Больница у нас двухэтажная. Первый этаж для тех, над кем нужен постоянный контроль. Второй для лёгких, от которых неприятностей не ожидается. А если будут, переведут вниз. «Первый этаж» за твой пост выходить не должен. Только в сопровождении медика. Вон та дверь, – она указала взглядом на половинку дверного полотна через коридор от сестринской, – это у нас «особая» палата. Там буйные. Этих вообще никогда и никуда не выпускать просто так. К телефону в предбаннике никого не пускать без моего разрешения – они любят звонить и жаловаться во всякие инстанции. Посетители и передачи только в установленные часы.

Анжела Андреевна решительно закончила и щелчком положила ручку на стеклянную поверхность древнего стола. Выждав «ухом» мою реакцию, она повернулась и посмотрела мне в глаза их

фирменным «корпоративным» взглядом, но в этот раз она добавила туда оттенки чего-то другого: то ли жалости, то ли сострадания.

– Завтра твоя первая смена. В день. Придешь к восьми, остальное тебе Володя расскажет. Он у нас один из правильных санитаров.

– Анжела Андреевна, у меня вопрос есть.

– Ну?

– Я иногда должен буду в институт уходить...

– На вечернем?

– Нет, на дневном.

– А как же ты учиться собираешься? – в её голосе проступили нотки действительного удивления.

– Мне сказали, что можно будет дневные смены на ночные менять. А «день» по выходным обрабатывать.

– Это, как ты с другими санитарями договоришься. В ночь и по выходным? Ну, смотри. Никто тебя за язык не тянул, – впервые за время беседы улыбнулась Анжела Андреевна. Не на все улыбки хочется тоже ответить улыбкой...

ЗА ГРАНЬЮ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Там за сценой тот же мир.
Люди про веселие.
А на сцене крови пир,
Палача затмение.

Нереален взрыв петард,
Между нами жизнь и смерть.
«Как играет», «Это дар»,
«Да, приятно посмотреть».

И мелькают конфетти,
И палит шампанское.
Нет ни сцены, нет ни стен,
Только декорации.

Только несколько шагов -
Сцена возвышения.

Там мир смеха. Здесь топор
И к шуту презрение.

Отчего вдруг эта грань,
Словно сам себе чужой.
Может дело моё дрянь?
Власть покажет гонор свой.

И на спину сапогом
Я встаю, шута давя.
Кем по сказке я ведом?
Кто теперь под маской я?

А не оглядеться ли нам по сторонам, дорогой мой Читатель? Я бы хотел похитить у тебя маленькую толику времени для того, чтобы пройтись по окрестностям того заведения, в котором мне предстояло работать.

Вынужден признать, что больница, принявшая нового работника так буднично и равнодушно, не служила украшением нашему маленькому и уютному городку. Хотя ничего особенно и не

портила. Это было невзрачное старое строение, укрытое за высоким и глухим бетонным забором. Забор был немногим ниже самой больницы и в сложившейся композиции однозначно лидировал. Несмотря на то, что данное архитектурное творение располагалось практически посередине города, пропади оно внезапно – никто бы и не заметил. Пешеходные тропы и автомобильные дороги обходили это место стороной, стоящие рядом многоэтажные дома выпускали своих жителей в противоположную сторону, а небольшой пустырь между домами и больницей был слишком горбат и лопухаст, чтобы привлекать к себе детвору или мамочек с колясочками.

Теперь добавьте к описанному выше уютные дворики, разлётшиеся по другую сторону злосчастного заведения – с двухэтажными мазанками, лавочками и бельевыми площадками. Пораскидайте рядом крохотные огородики и полузаброшенные клумбы, заботливо украшенные автомобильными покрывками. Введите в этот мир элементы жизни в виде старушек на скамейках, чумазых ребятишек и девочек в маминых туфлях. Туда же не забудьте включить кошку, загнанную на дерево кучей терпеливых котов, и пару шавок с виляющими хвостами и виноватым взглядом сонных и послушных глаз. Ах да, для пущей правдивости придётся создать неприятное вкрапление в виде икающего и матерящегося пьяницы, одной рукой упирающегося в стену дома, а другой шарящего в штанах. Ну, вот теперь, кажется, всё. Перед нами она – обстановка вокруг бетонного забора с втиснутой за него больницей. Мирная и спокойная, можно сказать, уютная.

Двигаемся дальше. Возьмём шире и взглянем на наш городок. Дай Бог памяти, как же он выглядел в те года? Насколько я помню, ко времени, описанному в книге, власть и электрификацию тёмные силы уже победили, а вот капиталистические пороки в людей ещё не внедрили. Да, совершенно верно, прогресс находился как раз в точке обнуления моральных и исторических ценностей. А отношение к бизнесу строилось на восприятии громкоголосой и

бесцеремонной тётки с рынка. К советскому укладу уже добавились ларьки и барахолки, остальное оставалось прежним – мир наслоившихся эпох. Да, что же это я, чуть не забыл – в нашем городке был Бродвей. Какой-нибудь зануда может меня одёрнуть, сказав, что наш Бродвей Бродвеем не мог считаться, по причинам недостаточной ширины и отсутствия престижных вернисажей. Всё это правда, но он именно так и назывался.

Вся эта красота в зависимости от сезона утопала то в зелени, то в грязи, то в снегах, то в лужах. Лужи бывали всевозможных форм и размеров и иной раз могли соперничать с местными озёрами. Наверное, жителям любого другого провинциального местечка эта будничная картина ничего не скажет и лица нашему городу не придаст. Всё, как и везде: обустроенные под торговые ряды остатки добротных купеческих построек; умирающее царство стареньких домиков, плотно жмущихся друг к другу; девятиэтажные небоскрёбы и так далее, и так далее.

Вне всяких сомнений – уютный был городок. Спросите: «Почему был? Не случилось ли с ним чего?». Нет, с городом всё в порядке. Да вот уют куда-то испарился. Может быть, остался в детстве, а может быть, из людей выветрился.

Я увлёкся. Вернёмся к строгому забору и стыдливо укrywшемуся за ним зданию.

Для просвещённой части населения здание представляло собой что-то малоинтересное, но с забавным и пугающим названием. Скорее декоративным, нежели функциональным. Люди менее любопытные наслаждались полной неосведомлённостью. Да и зачем подобные знания нормальным людям? Приличные заведения за бетонными заборами не прячутся. Были, конечно, персоны, которые могли бы рассказать о происходящем внутри, да кто же им поверит? Многим из них и самые близкие родственники не верят. Что уж там говорить – пациент психиатрической больницы не самое доверенное лицо и в семье, и в сколь-нибудь приличной компании.

Как мы уже с вами поняли, город был лишен беспокойных мыслей об этом учреждении, отгородив его от себя, больные, со своей стороны, были лишены возможности нарушать покой в районе благодаря усердию персонала. Здесь почти никогда не происходило ничего необычного. Из уютного мира города за калитку заходили прилично одетые и хорошо ведущие себя люди. Из той же калитки выходили не менее приличные граждане. Случалось порой видеть и заплаканных женщин, и скорую помощь у ворот заведения, так на то она и больница. Шум, веселье и подъезжающие по ночам машины полиции с веселыми огоньками – это удел ночных клубов.

Территориально «психушка» была как раз посредине моей дороги от дома к институту, и это было удобно. Когда я за завтраком обмолвился, что нашёл подработку, родители отнеслись к этому одобрительно и на удивление спокойно. Денег в ту пору уже нигде не было, так зачем же отказываться от лишней копеечки?

На момент трудоустройства мои планы не предполагали глубокого погружения в эту специфичную деятельность – больше забава, кураж перед друзьями. Однако в тот день, когда я выходил из больницы с парой белых халатов, у меня зародились первые опасения о разумности моей авантюры. Предчувствие подсказывало, что работа предстоит из разряда тех, которую хочется оставить каждый раз, когда переступаешь её порог. Уж очень особняком стояла эта деятельность от всей остальной моей жизни. Жизнь была светлая, по-юношески приятная и беззаботная, а работа казалась мрачной и скучной. Предчувствие обмануло. Оно ничего не сказало о предстоящей опасности, а уж тем более о том, что меня будут бить по голове табуретом. Если уж оно оказалось слепым в таких важных вопросах, глупо сетовать на то, что оно умолчало о предстоящих сомнениях в собственном здравомыслии.

ИНСТРУКТАЖ

СТИХ ПЕРВЫЙ. ЭПИЗОД ТРЕТИЙ.

*Что творю я? Не рождён
В злобе и жестокости.
Вдруг рука мне на плечо:
«Ну? Какие сложности?»
«Не могу рубить голов,
Заберите маску.
Я по жизни не таков,
Мне б добрее сказку.»
Длань скользнула по спине,
Вмиг тревогу унося.
«Ты не бойся – это роль,
А не вечная стезя.
Что с тебя, что дурен шут?
Нет твоей оплошности.
Ты руби. Не тяжек труд.
Ну, какие сложности?»*

Где-то слышал, что в некоторых банках кассиров перед тем, как допустить к работе, проверяют на отношение к деньгам. Словно бы случайно заводят нового работника в центральное хранилище, забитое купюрами и мешочками, и смотрят на его реакцию. Если при виде стеллажей с деньгами глазки загорелись – «Прости, дорогой, нужно подыскать тебе более подходящую работу». Было бы занятно использовать подобную практику, предоставляя будущему руководителю место в психиатрическом стационаре. Извините, забыл уточнить – конечно же, место санитаря или медицинского брата. Мне кажется, что человек, стремящийся к власти над людьми, смог бы там раскрыться и понять себя за несколько месяцев.

Вова, мой первый напарник, был санитаром уже с опытом и с репутацией. К тому времени, когда судьба занесла меня к нему в ученики, он отработал в больнице уже почти полгода. С больными

он ладил, отсортировав их по лояльности и опасности. Инструктаж он проводил прямо на рабочем месте – на крохотном пятачке в несколько квадратных метров, который назывался санитарским постом. Большеголовый, коренастый и стриженный, Вова вытянулся на стуле в полулежащем состоянии и рассказывал сквозь зажатую в зубах спичку.

– Вон видишь того пацана? – указал он на худенького подростка. – Вот его можно к любому делу подтягивать. Обед заносить, лекарства, что-то куда-то двинуть. Он, в общем-то, нормальный, не злобный. Бежать ему некуда, его сюда батя пристроил – отдохнуть от него. А вон того видишь? Красавец у стены на корточках. Его вообще лучше не трогать. Он здесь от тюрьмы косит. При свидетелях избил до полусмерти соседа, а потом заставил его высунуть язык и ногой по челюсти ударил. Теперь здесь. Дурака включает регулярно, очень опасный. Кто его знает, когда он следующую сцену устроит? Планку с ним перегибать не надо, мало ли чего. – Вова перекинул спичку на другую сторону рта и сцепил руки за затылком, медленно водя ими взад и вперед по русому ежику волос, – Я теперь даже в автобусе спиной к людям не поворачиваюсь, – хохотнул он, приподнимаясь на стуле и вглядываясь в дальний конец больничного коридора.

– Слушай, я и не знал, что в нашем городке столько дураков, – удивился я, расположившись на втором стуле и закатывая рукава своего халата на санитарский манер, до локтей.

– Э-э, стоп, стоп, стоп, – прервал меня наставник, – Ты их так не зови. Дураков здесь почти нет. Дураки все в «дурке», за городом. Здесь психи или наркоманы на реабилитации. А они совсем даже не дураки. Подожди, тебе ещё тут проверку устроят. Ты главное ко всему серьезно так не относись. А то быстро рядом с ними окажешься.

– Проверку? – спросил я и завозился на стуле.

– Не напрягайся, – отмахнулся Владимир, – Ты лучше кайф поймай. Ты в планетарии был когда-нибудь?

– Нет, ни разу.

– Я тоже. Но не важно, это я для примера. Тут каждый – как отдельная планета, вообще свой мир. Представь, что это по коридору на нас летят чужие планеты. Вот сейчас какая-нибудь подлетит, и ты уже вообще не здесь. Если попробуешь вести себя так, как на Земле, тебя туземцы сожрут. Приходится приспособливаться. Вот смотри, – Володя выждал, пропуская несколько человек, и окликнул молодого мужчину атлетической внешности, одетого в приличный спортивный костюм. – Дмитрий, я рад Вас снова видеть.

– Привет, Володя, – спокойно ответил тот, останавливаясь у поста.

– Когда назад планируешь?

– Куда именно?

– Ну, к своим, под воду, – с видом заговорщика прошептал мой наставник.

– А-а, – задумчиво ответил Дмитрий, развернулся и пошёл назад.

– На поправку пошёл, – ни капли не смутившись, пояснил мне Вова, отпуская человека за пределы зоны слышимости. – Ничего, сейчас другое космическое тело прилетит.

– Слушай, Володь, а что за проверка будет?

– Какая проверка?

– Ну, ты говорил, что меня будут проверять больные.

– А кто их знает? У них и фантазии побольше нашей, и времени навалом, – бросил Володя и потянулся за пачкой сигарет на тумбочке, – Выяснят, на что ты способен. У них тоже свой рейтинг – кого слушаться, а кого и послать можно. У нас самый крутой авторитет среди санитаров – Тапыч. Тебе бы с ним подежурить до проверки.

Говоря это, Володя вышел в предбанник, отпер входную дверь и слегка приоткрыл её, выпуская в образовавшуюся щель дым от сигареты.

– Он тут уже полжизни отработал. За малейший косяк «грудь выносит». Они его боятся. С ним дежурить – вообще одно удовольствие, – мой наставник замахал руками, стараясь выдворить табачный дым, который настойчиво возвращался обратно. Не справившись, парень произнёс несколько матерных заклинаний, а когда и они не помогли, вышел на улицу, заперев за собой дверь на замок. Поток знаний на какое-то время прервался.

Место для санитарского поста было выбрано бойкое. Это был перекресток, в одну сторону от которого располагалась входная дверь с предбанником, в другую – коридор палатного отделения, в третью – лестница на второй этаж. Четвертая сторона перекрестка ограничивалась окном с видом на крохотный дворик с деревом и бетонную стену. Лестница на второй этаж была предметом жадных взоров больных первого этажа. «Stairway to heaven» – дорога к еде и к свободе. Первое – потому что на втором этаже была столовая, второе – потому что там была приемная врачей. А врач для больного в этой больнице сродни полубогу.

Пока Володя курил, ко мне стали присматриваться. Больные, курсирующие по коридору, заметили отсутствие старшего. Начали притормаживать у перегородки, отделяющей их территорию от нашего поста. Потекли беспокойные и тревожные минуты моего первого знакомства с клиентами этой больницы. Я искал безумство в каждом произнесённом слове – простые вопросы людей загоняли меня в тупик. Пациенты подходили познакомиться часто и не по одному. Пять минут перекура Владимира показались мне вечностью. Когда дверь открылась, впуская моего наставника обратно, я облегчённо вздохнул. Движение больных по коридору снова стабилизировалась.

Описывать в деталях весь 12-ти часовой инструктаж было бы скучно, поэтому постараюсь изложить главное. Миссия у санитаря в этом заведении была незамысловатая – не допускать беспорядков и побегов. Задачи тоже стояли вразумительные: больных не пускать вообще никуда, посетителей – дальше коридора, буйных

и несогласных – усмирять. Неурочным посетителям и просителям был посвящён отдельный раздел. Их требовалось деликатно прогонять, передачи в неправильное время не брать. Ключи от входной двери – это ещё одна отдельная тема и атрибут власти санитара, позволяющий «пускать» или «не пускать». Ценность ключей была настолько велика, что первое, о чём я должен был думать во время боевых действий – это успеть передать ключи медсестрам. Одного побега клиента обычно хватало на то, чтобы лишиться премии всю смену, а это ровно половина зарплаты. Так что, ключ – это ценность.

Благодаря гибкому графику за неделю стажировки я перезнакомился почти со всеми своими коллегами. Кто-то из них пытался меня выучить, другие, более мудрые, просто наблюдали, подбрасывая время от времени ребусы и реплики. Опыт, приобретенный за эту неделю, был колоссальный. Я узнал о методиках управления людьми больше, чем на качественном профессиональном тренинге. Методики были настолько разными и по инструментарию, и по эффективности, что я хочу посвятить им отдельную главу. Они того стоят.

ДУРНЫЕ МЕТОДИКИ

СТИХ ВТОРОЙ.

Снова хлыст по жизни гонит,
И спина рябит засечкой,
Если сам, как жить, не понял,
То по жизни – под уздечкой.
И не стоит грызть удило
И лягать того, кто правит,
Если сам идти не в силах,
Если сам не создал правил.
Можешь жить мечтой щемящей,
Что наездник тебя любит
И, загнав в овраг бурьяжный,
Не захлещет, не погубит.
Можешь, рта не открывая,
Даже дать ему оценку.
Можешь, сено отвергая,
Разыграть на людях сценку.
Но неважен стиль и метод,
Тип хлыста и форма шпоры,
Если страх душонку треплет,
И идёшь на прорезь шоры.

- МЕТОДИКА №1 -

Первую методику я назову: «От Тапыча».

Первая она во всех смыслах. Перечисляю: первая – потому что Тапыч старейший работник этого заведения; первая – потому что это первое, что тебе пытаются рассказать все остальные, включая больных; первая – потому что по эффективности она далеко опережает все альтернативные методики и так далее, и так далее.

Методика, на первый взгляд, была необычайно проста. Её концепция выглядела следующим образом: «Можно почти всё, но

только если это позволит Тапыч. Всё, что не разрешено, влечет за собой неминуемое наказание».

За этой кажущейся простотой скрывался мощный пласт наработанного опыта и житейской мудрости основателя методики. Мудрость, помноженная на недюжую силу, солидную внешность и обманчивую простоту, эффект давала поразительный. Пожалуй, это был единственный мой коллега, приход которого на смену был похож на средневековую процедуру коронации в каком-нибудь маленьком королевстве. Вся деятельная и активная публика, состоящая из наших подопечных и санитарок, обязательно являлась засвидетельствовать ему своё почтение. Некоторые из них даже награждались благожелательным ответом. Нерадивые, надумавшие улизнуть от этой процедуры, рано или поздно попадали в поле зрения короля и могли быть призваны к трону в той или иной манере. Форма призыва редко несла в себе элементы, поднимающие дух, но я не видел тех, кто показал бы своё недовольство. Звучало это всегда громкоподобно, на всю больницу, чтобы все знали, что вынужденная лояльность всегда хуже, чем добровольная. Происходило это примерно так:

– О-о, вы посмотрите, что у нас случилось, Андрюша у нас проснулся, – гремело по больнице.

Андрюша на этих словах замирал в той позе, в которой был застигнут. Спустя несколько секунд он решался двинуться, но делал это медленно, как корабль, получивший удар торпедой. Было видно, что куда бы ни был направлен его взгляд, он сам настороженно ждёт продолжения.

– Иди, иди сюда, мой хороший.

На этой величественной и снисходительной фразе существо, вызываемое к королю, выбрасывало на лице белый флаг неизбежной радости. В большинстве случаев его вид говорил: «Михал Потапыч, дорогой вы мой. Как же это я? Вас-то да и не заметил?». Однако звуками всё это редко сопровождалось, потому что каждый зритель знал, что речь Тапыча ещё только началась, и неизвестно,

в какую сторону она может увести. Пожалуй, дальнейший диалог я не возьмусь воспроизводить. Слишком много рисков что-нибудь нарушить: врачебную тайну, законы элементарного приличия, добрые отношения с уважаемым коллегой. Одно могу сказать, речь дяди Миши никогда не бывала неинтересной и неуместной. И очень редко повторялась. Здоровенный мужик и тонкий психолог, он всегда знал, что, когда, и кому можно и нужно сказать. Вот эта-то фишечка и делала его методику неповторимой и уникальной. Остальное поддавалось копированию, что и демонстрировали менее одарённые коллеги. Ну, может быть, за исключением «выноса груди» в исполнении Михаила Потаповича. Впрочем, сам я этого ни разу не видел, думаю – наговаривают. Как это ни парадоксально, но я почти уверен, что в основе успеха методики дяди Миши лежит его добрая расположенность к людям и тяга к общению. Немного своеобразная, безальтернативная и неизбежная, но всё же добрая.

Скрипя сердцем я отброшу свои домыслы и, опираясь на внешние проявления, присвою этой методике название «Авторитарная». Уж очень слово красивое. Да и есть что-то трогательное за душу в её необъяснимой эффективности.

- МЕТОДИКА №2 -

Что ж, пойдём дальше.

Едва ли я смогу выделить из остальных методик управления ту, которая достойно заняла бы второе место. Все остальные выглядят очень блекло на фоне методики «Тапыча». Они толпятся где-то в третьем ряду, робко толкаясь в борьбе за аутсайдерское лидерство. Исключительно из уважения к возрасту и стажу моего следующего коллеги в качестве второй методики управления я назову методику дяди Андрея. Санитара, который и в миру, и на работе, гордо носил кличку Хлыст. Перебрав в голове все цензурные варианты названия данного подхода, я выбрал тот, которым

могу с вами поделиться. Методика получила имя: «Побарабанная». Её концепция была ещё менее замысловатой, чем «Тапычевой», и звучала она так: «Вы не трогаете меня – я не трогаю вас». В отличие от первой методики, «Побарабанная» распространялась не только на пациентов, но и относилась к медицинскому персоналу, а может быть, даже простиралась шире. В более подробной расшифровке звучала она следующим образом: «Моё присутствие здесь случайно и временно. Я вас не трогаю, вы не трогаете меня, и меня не трогают из-за вас. Если меня тронут, пеняйте на себя».

Хлыст являлся на смену, как звезда из длительного и скучного турне. Длинный, костлявый и сутулый старик средних лет, он входил в заведение с лёгким отклонением от графика, осознавая своё величие и относительность времени. Он смиренно принимал связку ключей от бьющегося в негодовании сменщика. Он брал на себя бремя неизбежного предстоящего. Каждый, кто являлся поприветствовать зашедшего на смену Хлыста, по какой-то нелепой случайности спутав его тщедушную фигуру с кем-то другим, бывал встречен и провожён скупающим и недоуменным взглядом блеклых и мутных глаз.

Любители научной фантастики наверняка помнят чудодейственный эффект защитных полей, которыми космические корабли окружали себя во время опасностей и вражеских атак. Они (то есть Любители фантастики) удивлялись этому чуду только в первом прочтении, а потом, на протяжении всей своей жизни, необычайный эффект этих полей воспринимался как что-то само собою разумеющееся. Так вот, дорогие мои Любители фантастики, подобные поля существуют. И это действительно чудо, и я, в отличие от вас, не уставал удивляться этому явлению каждый раз, когда сталкивался с ним. Хлыст был носителем этого чуда. В смену этого человека санитарский пост становился неуязвимым для воздействия внешнего мира, а может быть, даже и невидимым. В его дежурство всё как-то само собою самонастраивалось и самоурегулировывалось. Вопросов в сторону санитарского поста

становилось предельно мало. Все вокруг знали, что с вероятностью в 90% они будут посланы или проигнорированы. Это знали медсестры, это знали больные, это знали авторитетные посетители, это учитывали даже врачи. И что самое удивительное, в том хаосе, который приносила в больницу «Побарабанная» методика, почти никогда ничего не происходило серьезного. Во всяком случае, не происходило событий, приводящих к тем или иным неприятностям для Хлыста. В моей голове находится только два возможных объяснения этому чуду: первое – никому неизвестные волшебные флюиды, исходящие от Хлыста вместе с табачным запахом; второе – его змеиный характер: необычайная вспыльчивость и холодная жестокость. Первое – оригинальнее, второе – очевиднее. Наверное, санитарский пост в его дежурство воспринимался как серпентарий – место, которое лучше обходить стороной. И, упаси Господи, если оттуда выползет кто-то полусонный, в белом халате.

Но я буду не справедлив, если не скажу, что была в этой удивительной методике и какая-то несовместимая с данным заведением Свобода. Заядлый курильщик, Хлыст выходил за дверь очень часто, и очень часто дверь в больницу просто не закрывал. Исключительно из лени, чтобы лишний раз не напрягаться попаданием ключа в замочную скважину. Что было ещё более странным, так это то, с каким пониманием он встречал просьбы особо дерзких пациентов покурить рядом с ним на улице. Этим наглицам не только позволялось курить, им позволялось отходить от Хлыста и выходить за калитку. И при всем этом я не помню ни единого случая, чтобы больной хоть раз попытался воспользоваться шансом и бежать в смену Хлыста. Не находилось таких дураков в этом заведении. Всё-таки люди, размышляя над выбором «Свобода или жизнь», не всегда отдают предпочтение свободе.

Думаю, что этот стиль правления можно привязать к понятию «Анархия». Что же, пускай у него будет два имени.

Сдаётся мне, что при всей жестокости носителя анархической истины, больные любили жить в его смену. Его величественная

отстраненность от них и от больничного распорядка давала им необычайную свободу. Передачи приносились и передавались в любое время при условии, что сам процесс передачи не задевал санитаров. Тихий час и отбой теряли жёсткость временных рамок и свою обязательность. Спать или гулять – всегда было собственным решением пациента. Пациентов сдерживало только понимание того, что как бы ни было спокойно на санитарском посту, но с приходом тихого часа или темноты наступало время хищников. Передвигаться никто не запрещал, но иногда это было крайне опасно. И на всякий случай лучше было бы затаиться. Даже медсестры, всегда инициативные и величественные, колготились в своей комнатенке, не тревожа больницу собственным присутствием, а санитаров – своими претензиями. Уж очень жесток был Хлыст как в словах, так и в поступках. А сострадательность и доброта к людям, даже в подобных мрачных заведениях, остаются главными чертами женского характера, что бы там ни говорили злословы.

А, может быть, действительно: «Анархия – мать порядка»?

- МЕТОДИКА №3 -

Диктатура. Какое упоительное слово. Можно я ещё раз его произнесу? Диктатура. Как же оно ласкает слух, когда ты производишь его с вершины иерархической структуры. Как много в нем безграничных возможностей и эффективных рычагов по обламыванию и перемалыванию личности, казалось бы.

Позвольте вас разочаровать. Мой скромный опыт полевого медика и начинающего диктатора даёт мне право утверждать, что качественная Диктатура по силам правителям молодым, злым и необычайно энергичным. Ну, или хотя бы просто злым и энергичным. Лично мне показалось, что это очень трудозатратная форма власти. Она заставляет Диктатора постоянно тащить на

себе нелёгкое бремя его диктаторских обязанностей. Приходя на работу, ты вынужден давить и подчинять. А вдруг у тебя настроение лирическое и доброе? Никаких поблажек себе. Стоит один только раз поленился, чуть-чуть недодиктовать, и смотришь, а репутация уже просела. И снова приходится засучать рукава белого халата, расцехлять глотку и работать, работать. Без поддержки, без участия, без благодарности.

Но самое обидное заключается в том, что данная форма правления вызывает неизбежное привыкание у твоих подопечных – диктатурируемых. Она формирует в них иммунитет к твоей власти. Если вы ещё ни разу не выступали в роли Диктатора, вы никогда не поймете, как это некомфортно, когда к старым методам давления и порабощения твой клиент уже притерпелся, а изобрести что-то новенькое никак не получается. К тому же очень сложно из людей с легкими психическими отклонениями сделать адекватных, виноватых и запуганных. Да и, что греха таить, «дурное воспитание» тоже даёт себя знать – жалко и совестно. Тяжело быть Диктатором в психиатрической больнице, и чем дальше твоё психическое здоровье от состояния подопечных, тем тяжелее.

Даже не знаю, кого именно можно предложить вам, как наиболее яркий пример этой формы власти. Дело в том, что на этот путь вставали практически все молодые санитары. Вставали неразумно, по глупости, «нахватавшись шапок» из методик Хлыста и Дяди Миши. Действительно, так просто, не разобравшись в тонкостях, спутать Авторитаризм с Диктатурой. А углядеть Диктатуру в лихих крайностях Анархии разве тяжело? Надо сказать, что опытные пациенты знали эту особенность адаптационного периода молодых санитаров. Они относились к ней с поразительным терпением и снисходительностью. Годы, проведенные в психиатрических застенках, уже привели их к тем же выводам – ноша Диктатора тяжела, а терпение его не бесконечно. Пациенты терпеливо ждали, когда начинающему Диктатору всё это надоест и вот тогда, он, возможно, блеснет индивидуальностью и создаст